

Т.В. Смирнова

**Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1928–1941 гг.
(по материалам архивов СПМЗ и ОПИ ГИМ)**

В апреле 1920 г. В.И. Лениным был подписан декрет об обращении историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой лавры в музей¹. Начало же работы по созданию музея относится еще к осени 1918 г., когда была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры². Задача создания музея была выполнена к 1926 г. Период деятельности Комиссии – 1918–1925 гг. – освещен в литературе³. Период же конца 1920-х – начала 1940-х гг., рассматриваемый в данной работе, практически не привлекал внимания исследователей.

В этом периоде можно выделить следующие этапы: 1928 – 1930-й – годы перелома, когда изменился профиль музея и кадровый состав; 1931–1938-й – годы упадка, когда музей, по выражению одного из его директоров, «влачил жалкое существование»⁴; и 1939–1941-й – годы, когда музей был передан в ведение Управления по делам искусств СНК РСФСР и началось его возрождение.

Что же представлял музей собой музей к весне 1928 г.? Из доклада директора музея А.Н. Свирина на в Коллегии Главнауки следует, что он был создан, согласно декрету, в основном из предметов, принадлежавших Лавре⁵. Был открыт историко-художественный отдел (иконы, шитье, книги, ткани, изделия из золота и серебра, резьба по дереву и кости). В бытовом отделе был показан быт высшего духовенства: покои митрополита Платона (XVIII в.) в филиале Музея – Вифанском монастыре и покои митрополита Филарета (XIX в.) в Гефсиманском скиту. К этому отделу относились также келья рядового

монаха, келарня с предметами хозяйственного обихода и экипажи XVIII в. Памятники архитектуры и их иконография составляли историко-культурный отдел. (Под словом «отдел» понимали тогда экспозиционный отдел, т.е. экспозицию).

Экспозиции музея были развернуты на случайном оборудовании: использованы шкафы и витрины из монастырских лавок, киоты и даже стекла с неценных икон большого размера⁶.

Несмотря на это, музей получил множество положительных отзывов от самых разных лиц, включая иностранных ученых и художников. Комиссия Главнауки, обследовавшая его в июне 1926 г., записала в протоколе: «Сергиевский музей является одним из лучших историко-художественных памятников XIV–XIX вв. в СССР как в отношении своих многочисленных построек (архитектуры), так и в отношении полноты и качества художественно-исторических коллекций, собранных в нем (живопись, шитье, древнерусские книги, ткани, торевтика, резьба по камню, дереву, кости и металлу, обстановка и т.д.). Значение этого музея выходит далеко за пределы СССР, и с этой стороны он является мировым памятником преимущественно древнерусской культуры. В отношении научных сил музей в достаточной степени обеспечен и с этой стороны является одним из немногих. Довольно многочисленные издания свидетельствуют об интенсивной научно-исследовательской работе его сотрудников. <...> В отношении административном музей также не внушает опасений, везде видна умелая рука администратора»⁷.

При этом штаты музея были крайне малы. В начале 1928 г. научных сотрудников вместе с директором и его заместителем было всего пять человек, из них четверо имели высшее образование: директор А.Н Свирин, заместитель директора и хранитель В.Д. Дервиз, помощник хранителя Ю.А. Олсуфьев, художник Вл. И. Соколов. А помощник хранителя музея о. Диомид (Егоров),

бывший монах, не имел образования, но хорошо знал ризницу Лавры и являлся весьма ценным сотрудником.

Однако весной 1928 г. в печати развернулась кампания травли музея. Обзор основных публикаций по этому вопросу дан в одной из работ, посвященных П.А. Флоренскому⁸. Особенно доставалось в прессе графу Олсуфьеву Ю.А. и Дервизу В.Д., которого ошибочно считали бароном. Их обвиняли больше всего в том, что они будто бы состоят в каких-то религиозных или церковных организациях. Попытки опровергнуть ложные обвинения были безрезультатны⁹. В мае 1928 г. в городе было арестовано 80 человек по так называемому «Делу антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево Московской области»¹⁰. Среди арестованных оказался о. Диомид (Егоров), а также бывшие монахи, служившие в охране музея. Вскоре научный персонал музея вынужден был уйти в отставку.

В феврале–марте 1929 г. совместная комиссия Главнауки и Рабкринка подвергла музей резкой критике, считая, что он не дает марксистского освещения материала¹¹. Музей закрыли на реэкспозицию. Новый директор К.П. Злинченко предложил план коренной реорганизации музея, предусматривавший, прежде всего превращение его «в мощное научно-исследовательское учреждение по постановке антирелигиозной работы и по широкому проведению антирелигиозной пропаганды»¹². При этом директор, по его собственному признанию, не был знаком с экспонатами музея и с методами музейной экспозиции. Через несколько месяцев он откорректировал план. Согласно новому плану, экспозиции по всем отделам следовало строить не систематически, по художественным формам, а синтетически, группируя экспонаты по основным социально-историческим темам и событиям монастырской жизни, «иллюстрируя и вскрывая, таким образом, подлинное классовое лицо монастыря, его методы эксплуатации, обмана и связь с

царизмом». Стержень, на котором должна была строиться вся экспозиция, – «Политическая роль Лавры и связь ее с государством»¹³.

Музей получил название Сергиевский государственный историко-художественный, бытовой и антирелигиозный музей. В 1929 г. закрыли оба филиала музея – в Вифанском монастыре и в Гефсиманском скиту¹⁴. Создали два новых отдела: антирелигиозный и историко-революционный. А изменения основной экспозиции свелись к тому, что мощи преподобного Сергия перенесли из Троицкого собора в Никоновский придел, чтобы «оторвать эту “святыню” от привычного для религиозных людей церковного окружения»¹⁵. Экспозицию икон для обычных посетителей закрыли.

Но комиссия музейной группы подсекции Политпросвета, проверявшая музей в июле 1929 г., нашла, что «целям антирелигиозной пропаганды и вообще политико-просветительным целям он почти не служит» и оставлять музей в таком виде нецелесообразно. При столь неудовлетворительной оценке реорганизации музея комиссия, тем не менее, заметила, что «состав работников в целом следует признать удовлетворительным, в особенности, если учесть то, что совсем недавно Сергиевский музей был почти целиком в руках “бывших”»¹⁶. Между тем, новые сотрудники, обычно начав с активных заявлений и планов по увеличению антирелигиозной направленности музея и даже по превращению его в антирелигиозный центр, через несколько месяцев меняли место работы.

Угроза полного превращения музея в антирелигиозный центр не осуществилась, видимо, потому, что перед музеем в связи с новой реорганизацией встали и новые задачи. В октябре 1929 г. он был объединен с Краеведческим и Кустарным музеями. Краеведческий музей, был создан в середине 1920-х годов и открыт для посетителей со 2 января 1927 г. Он располагался на территории Лавры, в царских Чертогах. Вопрос об

объединении Историко-художественного музея с Краеведческим обсуждался много раз, тем более что в Правление Краеведческого музея в качестве членов Общества по изучению местного края входили В.Д. Девиз и А.Н. Свирин¹⁷. Но музеи были разного подчинения и, следовательно, находились на разных бюджетах: Историко-художественный – на республиканском, а Краеведческий – на областном, что и являлось препятствием к объединению. Возможно, решение вопроса было ускорено в связи с тем, что в мае 1928 г. подверглись аресту директор Краеведческого музея В.Н. Мордвинова и научный сотрудник А.Д. Шаховская. На объединении настаивали и местные власти¹⁸.

Последствия объединения оказались пагубными и для историко-художественного музея, и для Краеведческого. Объединенный музей передали в ведение Московского отдела образования (МОНО) и перевели на областной бюджет.

В это время как раз был взят курс на индустриализацию страны, принят первый пятилетний план, в связи с чем ВЦИК и СНК РСФСР потребовали от музеев внести изменения в планы работы для «теснейшей увязки» с общим пятилетним планом. Было разработано положение о Сергиевском антирелигиозно-краеведческом музее, и принят план работы на 1929/30 г. В нем на первое место была поставлена задача «активного участия в деле социалистической реконструкции хозяйства района». Центр тяжести планировалось перенести на краеведческую работу по изучению сельского хозяйства, фабрично-заводской промышленности, кустарных промыслов, а также революционного, контрреволюционного и религиозного движения в районе «при использовании метода диалектического материализма». Планировалось представить и Лавру, причем в XIX–XX вв. как контрреволюционный центр. А так как музей не имел нужных кадров,

предполагалось для осуществления нужных планов обратиться в «Союз безбожников»¹⁹.

Однако помощи от «Союза воинствующих безбожников» музей не получил. И вообще к февралю 1930 г. в нем осталось всего два сотрудника с высшим образованием: этнограф А.М. Попова-Курбатова и геоботаник Е.И. Лукьянская. Следов выполнения грандиозного плана 1929/30 гг. обнаружить не удалось.

М. Пришвин 27 апреля 1930 г. записал в дневнике такой разговор с бывшим директором Сергиевского музея А. Н. Свириным. Тот сказал, «что у него из головы не выходит – покончить с собой прыжком в крематорий». «А разве можно?» – спросил я. «Можно, – сказал он, когда ворота крематория открываются, чтобы пропустить гроб, есть момент, когда можно прыгнуть»²⁰.

Этот разговор состоялся в то время, когда прошло два года, как Свирин делал доклад в Главнауке об успешной деятельности музея. Ровно два года...

1930-е годы были для музея тяжелым временем. Профиль музея оставался неопределенным. Это сказалось и в названиях Музея, употреблявшихся в различных документах: от такого длинного как «Загорский Историко-художественный, Антирелигиозный, Народоведческий, Краевой, Кустарно-промышленный музей», до кратких – «Загорский краеведческий музей» и «Объединенный музей».

В начале 1930-х годов в Троицком соборе на месте икон «Троица» и «Апостол Павел», переданных в Третьяковскую галерею, все еще зияли пустые места, вызывая вопросы посетителей. В Успенском были свалены иконостасы из других церквей и стояли кареты XVIII в. В Митрополичьих покоях первый этаж был занят жильцами, а на втором находилась обстановка покоев митрополита Платона, перевезенная из Вифанского монастыря, и обстановка комнат Петра I и Елизаветы из царских Чертогов. В Трапезной были размещены отделы социалистического строительства, сельского хозяйства, флоры и фауны

района, т.е. отделы бывшего Краеведческого музея, выселенного МОНО из царских Чертогов. Там же, в Трапезной, в начале 1930-х гг. располагалась выставка кустарных изделий и игрушек, вскоре свернутая и сваленная на колокольне²¹.

При проверке музея в 1932 г. было отмечено, что не преодолен еще историко-художественный показ, характерный для прошлого, а история классовой борьбы игнорируется, «антирелигиозной установки» в музее нет, и не показана борьба за колхозное движение. Что касается научной работы, то в это время упомянуты только исследования по хронометражу труда в колхозах, в частности детского труда²².

Сохранился обширный план работы музея на 1935 г.²³. Основной задачей провозглашалось «отражение великих побед социализма под руководством т. Сталина». Планировалось показать Лавру в качестве «главного агитпункта за самодержавие и эксплуататорские классы», а главное – Загорский район с его населением, в прошлом «находившимся под влиянием монастыря», а в настоящем – ударничество, соцсоревнование, работу женщин, Великий Октябрь, историю партии, Гражданскую войну, историю классовой борьбы. Был намечен также огромный объем научных работ по климатологии, геологии, палеонтологии, полезным ископаемым, гидрогеографии, ландшафтам леса, озера и болота, по жилищам, а, кроме того, сбор гербария и составление карты рек. Предусматривалось пополнение экспозиций пчеловодства и животноводства, подготовка выставки «Происхождение мира и живых существ», устройство выставки «Против Пасхи за весенний сев» и т. п. Но никаких следов выполнения этого плана найти не удалось.

В 1936 г. было создано Управление по делам искусств при СНК СССР и соответствующие республиканские и областные Управления, в ведение которых были переданы художественные музеи. Краеведческие музеи были переданы в

ведение Наркомпроса²⁴. Загорский музей перешел в Управление по делам искусств при Мособлисполкоме. В результате стал постепенно меняться профиль музея. Типовой краеведческий музей в 1930-е годы должен был иметь отделы природы, истории и соцстроительства. Ненужный для художественного музея отдел природы был вскоре закрыт, а его экспонаты впоследствии утрачены²⁵.

Планов и отчетов за 1936 и 1937 гг. не обнаружено. Но известно, что в 1937 г. музей подвергся разгрому и был закрыт на целый год. Этому предшествовали такие события. В январе 1937 г. в музей поступил в качестве научного сотрудника известный краевед-историк М.И. Смирнов²⁶. Директор Яковлев, признававшийся, что сам он в музейном деле ничего не понимает, уговорил Смирнова стать его заместителем по научной работе. Ознакомившись с музеем, Смирнов нашел ошибки в экспозиции. В частном письме он писал о своей надежде их исправить: «Из НКП музей перечислен в Комитет по делам искусств. Возлагаю надежду на Керженцева, <...> так громко заступившегося за наших богатырей. М<ожет> б<ыть>, удастся при его помощи обелить Сергия Радонежского, заплеванного самым грубым образом»²⁷. Но выступление Смирнова с докладом о Сергии Радонежском на Ученом совете музея частью сотрудников было «принято в штыки». Тут же в местной газете появилась заметка «Руководители музея проглядели врагов народа», автор которой утверждал: «Смирнов дошел до такой наглости, что на Ученом совете выступил с докладом, превозносящем Радонежского “чудотворца” Сергия, <...> и, боясь, как бы чего не вышло, сразу после доклада уничтожил свои тезисы»²⁸. Последнее было ложью.

Масла в огонь подлила статья сотрудницы Музея Кнапской, опубликованная в «Рабочей Москве»²⁹. В статье говорилось о том, что экспозиции Музея построены «согласно антиисторической схеме Покровского, которую

поддерживали и «развивали» проникшие в ряды историков враги народа – троцкисты». Автор также полагала недостаточной антирелигиозную направленность музея, утверждала, что посетителям пытаются внушить враждебные марксизму-ленинизму взгляды, и призывала партийные органы немедленно вмешаться и оздоровить музей. «Оздоровление» выразилось в том, что четверых сотрудников, включая Смирнова и директора, уволили, а музей закрыли на реэкспозицию. Открылся он только через год. Обстановка в Музее долго не успокаивалась. Автору, которая была председателем месткома, целый год пришлось разбираться в конфликтах³⁰.

Весной 1938 г. Мособлисполком принял специальное постановление по Загорскому музею, обязывающее «построить экспозицию, которая бы отвечала ленинско-сталинским методам изучения истории»³¹. Сотрудники, напуганные предыдущими событиями, предложили все экспозиционные планы давать на проверку консультантам, что и было выполнено.

В помощь сотрудникам музея была вызвана из Ленинграда искусствовед Ю.А. Лебедева. Она занялась подготовкой к показу Троицкого собора: предложила дать параллельно с обычным этикетажем – антирелигиозный и убрать большую часть предметов, связанных с Сергием Радонежским, в том числе его раку с мощами и сень³². Все экспозиции должны были иметь антирелигиозную направленность, но особенно ярко она выражалась в планах отдела истории Лавры в XIX–XX вв. («Лавра – очаг мракобесия») и антирелигиозной выставки, имевшей название «Контрреволюционная борьба церковников против советской власти»³³. Автор плана выставки, который предпочел остаться анонимным, предложил показать «контрреволюционную деятельность церковников» как в масштабах страны, так и на местном материале. Среди экспонатов он не постеснялся представить такой «разоблачающий документ», как «Первая “комиссия” по охране памятников

Троице-Сергиевой лавры, ее состав и связь с Тихоном», а также «Первая артель монахов – монахи охранники Лавры». Вообще же Церковь планировалось обвинить буквально во всем, вплоть до связи со шпионскими организациями и подготовки войны против СССР. Подчеркивалась невозможность какого бы то ни было компромисса с Церковью. В качестве положительного примера был приведен список монастырей и скитов, используемых для разных нужд: Хотьковский монастырь – школа комбайнеров, Вифанский монастырь и Духовная семинария – рыбхоз Мособлтреста и т. д. Кроме выставки, планировалась организовать специально оборудованный лекторий и методический зал в помощь пропагандисту-антирелигиознику для лекций и показа фильма «Вскрытие мощей Сергия Радонежского», что и было сделано³⁴.

В сентябре 1938 г. музей открылся для посетителей, затянулось только открытие отдела истории XIV–XV вв. Но и так тщательно, казалось бы, разработанные и проверенные консультантами планы не спасли музей от критики. Комиссия МК ВКП (б) в январе 1939 г. вновь нашла ошибки, особенно по отделу истории XIX–XX вв. и по антирелигиозной выставке. На основании этой проверки их снова закрыли³⁵. Работа над новыми экспозиционными планами, их утверждение, прием новых экспозиций комиссией МК ВКП (б) длились еще почти полгода.

Возможно, недовольство комиссий МК ВКП (б) экспозициями Музея в 1938–1939 гг. на самом деле было вызвано желанием перестраховаться – в такие опасные периоды истории обвинять безопасней, чем хвалить. А может быть, дело в том, что сотрудники музея не почувствовали изменения политики, хотя и занимались постоянно в кружках по изучению истории партии, а некоторые и в Университете марксизма-ленинизма. В середине 1930-х годов произошел отказ от идеи мировой революции и оказались востребованы идеи патриотизма, что, видимо, отчасти было связано с подготовкой к войне. Началось прославление

героического прошлого русского народа: в 1938 г. вышел на экраны фильм «Александр Невский», в 1940-м опубликовали роман С.П. Бородина «Дмитрий Донской», где одним из персонажей был Сергей Радонежский, и т. д. Ведь в результате переписи населения 1937 г. выяснилось, что план искоренения религии в нашей стране провалился. После этого был подвергнут чистке «Союз воинствующих безбожников». Методы борьбы с Церковью изменились: не столько пропаганда, сколько репрессии по отношению к ее служителям. А напояз – отсутствие в новой Конституции запрета отправления религиозных обрядов и т. п. М.И. Смирнов раньше многих понял, что политика изменилась. Когда и остальные разобрались, его даже приглашали вернуться, так как некому было делать экспозицию отдела истории XIV–XV вв.

Постоянные неудачи с экспозициями, видимо, были связаны также с невысокой квалификацией большинства сотрудников, что отчасти являлось следствием низкой зарплаты. Когда директор музея Воцилин пытался потребовать с сотрудников работу, ему отвечали: «Я получаю 74 рубля, что же Вы с меня спрашиваете?»³⁶.

В связи с требованиями по обновлению и изменению исторических экспозиций возникла необходимость заняться научной работой. Правда, в 1938 г. не нашлось денег на поездки в московские архивы и библиотеки для этой цели, да и сотрудников было очень мало. Но в середине 1938 г. директор музея добился увеличения штатов и некоторого повышения зарплаты

Состояние архитектурных памятников Лавры внушало большую тревогу, что отмечали и неоднократно проверявшие музей в 1930-е гг. комиссии от Областного краеведческого музея и других организаций. Так, состояние Певческой башни уже в 1931 г. стало столь угрожающим, что в дело вмешалась милиция, опасаясь обрушения на головы прохожих. Но и через несколько лет положение с этой башней не улучшилось. Другие башни и крепостные стены

тоже имели трещины, особенно опасные в Уточьей башне. В 1934 г. при проверке отмечено, что протекали крыши Трапезной и Митрополичьих покоев. В Троицком и Успенском соборах из-за сырости обваливалась штукатурка. Отложения голубинового помета в 1933 г. оценивались примерно в 13 центнеров³⁷.

Особенно удручающим было состояние царских Чертогов. После размещения в них студенческого общежития Педтехникума по лепному потолку была сделана электропроводка, при этом часть лепнины была уничтожена; помещение закопчено, паркет во многих местах выкрошился, изразцовые печи XVIII в., являющиеся ценными памятниками русской керамики, повреждены. Сильно пострадавшая от пожара 1920 г. восточная часть Чертогов использовалась под кинотеатр, при этом снаружи она представляла собой подобие руин, с побитыми изразцами и вываливающимися из стен кирпичами³⁸.

Значительную часть архитектурных памятников в 1930-е годы музей сдавал в аренду разным предприятиям и организациям. Иногда это делалось по распоряжению районных властей или МОНО. Но порой и сам музей проявлял инициативу, например, предлагал организовать на территории Лавры дом отдыха на 500 человек, используя для этой цели Больничные палаты XVII в., кухню же устроить в Смоленской церкви XVIII в.³⁹.

Арендованные помещения и вся территория музея пришли в исключительно антисанитарное состояние, что отмечали все комиссии. Районные организации не понимали значения музея и не только не помогали ему, но, не считаясь с принадлежностью зданий музею, стремились получить с них свою выгоду⁴⁰.

Комиссия, проверявшая Музей в 1937 г., записала, что «осмотр музея производит впечатление крайнего убожества, <...> поражает крайне запущенный и полуразрушенный вид огромного большинства архитектурных сооружений, <...> большинство зданий и помещений, числящихся за музеем, совершенно

недоступны для осмотра посетителями – они или забиты, или заняты всевозможными кладовыми и складами»⁴¹.

И над всей этой грязью и разрухой развеялся шестиметровый «революционный» флаг, прикрепленный к кресту колокольни. Он так расшатал крест, что одна из комиссий предлагала перенести флаг на центральный купол Успенского собора или на Пятницкую башню⁴².

Состояние архитектурных памятников, в конце концов, стало столь угрожающим, что на это не могла не обратить внимания вышестоящая организация. Управление по делам искусств при Мособлисполкоме пригласило известного реставратора П.Д. Барановского. Он в течение нескольких месяцев 1937–1938 гг. обследовал памятники Лавры и жилые корпуса, составил два проекта реставрационных работ и приступил к их осуществлению⁴³. Но широким фронтом эти работы развернулись только в 1939 г.

В Управлении по делам искусств при Мособлисполкоме в ноябре 1938 г. состоялось совещание «О подготовке материалов в СНК РСФСР по реставрации архитектурных и живописных памятников бывшей Троице-Сергиевой лавры» с участием таких известных лиц как И.В. Жолтовский, П.В. Щусев, В.П. Зубов и др.⁴⁴. Директор музея, выступая на совещании, сказал, что музей «или будет влачить жалкое существование, как сейчас, или его жизнь будет направлена по иному пути». Из протокола совещания видно, что его участники с опаской аргументировали необходимость реставрации церковных памятников. Одни выступавшие нажимали на актуальность изучения старых методов живописи, видимо, в связи с работами по постройке Дворца Советов: «Старые мастера написали гениальную вещь. То, что они написали, нас не интересует. Художник мог бы написать и рыбака...» (И.В. Жолтовский). Другие подчеркивали, что Лавра – русский памятник и ссылались на слова М. Горького, что «всякое русское искусство было народным искусством». В результате было решено

возложить руководство всеми реставрационными работами на архитектора И.В. Трофимова. Ему предложили составить смету расходов на три года⁴⁵. Разработанный Трофимовым план реставрационно-восстановительных работ направили с соответствующим ходатайством в СНК РСФСР. В результате музей был передан в ведение Управления по делам искусств при СНК РСФСР (постановление от 17.11.1939), а весь комплекс строений Музея в черте древних крепостных стен был объявлен Загорским историко-художественным музеем-заповедником (постановление СНК РСФСР № 42 от 01.02.1940). Утвержден был также генеральный план реставрационно-восстановительных работ на 1939–1943 гг. на 6 млн. руб. В музее-заповеднике создали Ученый совет: под председательством академика архитектуры И.В. Рыльского. Управление по делам искусств при СНК РСФСР создало Стройучасток, который возглавил И.В. Трофимов⁴⁶.

Некуда было переселить жильцов с территории Лавры, не было фондов на стройматериалы и горючее, трудности были с размещением мастеров-реставраторов. Тем не менее, уже в летний сезон 1939 г. штат рабочих Стройучастка составил 60 человек, и в течение 1939–1941 гг. удалось провести целый ряд реставрационных работ в Больничных палатах, церкви Зосимы и Савватия, Никоновском приделе, Духовской церкви, колокольне, Трапезной, в стенах и башнях⁴⁷.

Возобновилась также реставрация икон (художник-реставратор Н.А. Баранов и тканей (реставратор А.Д. Белякова-Меркулова) Кроме того, художником-реставратором П.И. Юкиным были проведены разведывательные работы по раскрытию фресок в Троицком и Успенском соборах⁴⁸.

Управление по делам искусств при СНК РСФСР, прежде всего, потребовало от музея навести порядок в фондах. Инвентарные книги в музее прекратили вести в 1928 г. За эти годы сменилось около десятка директоров, а передача

фондов практически не производилась. Музей пополнился вещами из закрытых церквей, а также из музея «Оптина пустынь». Но вещи из этого музея были признаны не имеющими музейного значения и оценены в 115 руб. за пуд⁴⁹. Поступали в музей и частные коллекции. Так, в 1930 г. была принята обширная коллекция различных вещей по завещанию А.А. Александрова. Часть ее сохранилась⁵⁰.

Но утраты были велики. По распоряжению вышестоящих организаций музей продавал серебряную церковную утварь, драгоценные камни, иконы, ткани. Иногда отбор вещей производила ударная бригада Главнауки, деля вещи на спорные и бесспорные. Но и спорные предметы часто уходили на продажу. Масштабы этого процесса видны хотя бы из того, что Особая часть по Госфондам Московского ОКРФО распорядилась отобранные ею в музее облачения упаковывать в тюки по 6 пудов. При этом приказано было, чтобы в каждом тюке находились предметы одного наименования – фелони, стихари и т.д., завернутые в напестольные одежды, а тюки были перевязаны веревками крест-накрест. Правда, в то время (январь 1930 г.) в музее не нашлось человека, который бы мог выполнить распоряжение, так как никто не знал названий церковных облачений⁵¹.

Продавали музейную мебель, надгробные памятники и плиты с территории Лавры. Сами директора музея, часто сменявшие друг друга, не слишком дорожили музейными фондами. Так, директор Злинченко, ознакомившись с кладовой ризницы, сделал вывод, что «эти очень крупные богатства являются совсем ненужными как экспонаты», и предложил выделить их «для реализации на усиление нашего валютного фонда»⁵². Большие утраты вещей были связаны с тем, что в связи с курсом на индустриализацию и коллективизацию понадобился металл. Музей сдавал медные и латунные вещи (подсвечники, хоругви и т. п.), иконы, писанные на цинке, чугунные решетки и пр. А в январе 1930 г. пришлось

сдать в Рудметаллторг по указанию Главнауки и МОНО колокола с лаврской колокольни: Годунов 1600 г., Канаухий 1683 г., Царь 1748 г. и др., а также колокола Пятницкой церкви. Они были разбиты и отправлены на переплавку. Музей просил оставить только один колокол – Переспор, необходимый для часового боя⁵³.

Многие музейные предметы в 1930-е годы были признаны не имеющими музейного значения: иконы, медали, драгоценные камни, ювелирные изделия, церковная утварь, басменные оклады с икон, вещи из тканей. Музей часто продавал эти вещи для получения собственных спецсредств. Так, большое количество церковных облачений у музея купили артели «Красная игрушка» и «Наш труд»⁵⁴.

Кроме продажи, был и еще путь, на котором музей утратил часть своих коллекций: многие вещи были переданы в другие музеи, например, в Оружейную палату, причем музей просил только, чтобы вещи заменили макетами или фотографиями, и предлагал также заменить драгоценные камни в экспонатах стеклами⁵⁵. Книги, находившиеся в музее на выставке «Древнерусской книги», в 1928 г. были перевезены в Ленинскую библиотеку. В Центральный архив вывезли большую часть архивов Лавры и Вифанского монастыря⁵⁶. Третьяковская галерея обращалась в музей с просьбой о передаче икон, мотивируя это тем, что при реорганизации музея в краеведческий или антирелигиозный они ему не нужны. Иконы и другие предметы часто просили для временных выставок, но, как оказалось, навсегда. Так, осталась в ГТГ «Троица» Андрея Рублева, переданная по личному распоряжению А.В. Луначарского⁵⁷. В отделе древнерусской живописи в 1930 г. работал Я.П. Гамза, до того служивший некоторое время в Сергиевском музее и старавшийся превратить его в антирелигиозный центр. Энергия этого человека, как писала В.И. Антонова, «и его фанатическое пристрастие к разрешению задачи

разностороннего подбора памятников значительно обогатили отдел»⁵⁸. Обогащение произошло, в частности, за счет того, что Гамза получил из Сергиевского музея ряд икон XIV–XV вв.

Весьма неудовлетворительным в 1930-е годы было положение с хранением фондов, что неоднократно отмечали разные комиссии. Большое количество ценностей оказалось в обезличенном состоянии, что создавало угрозу хищения. Многие хранилища музея находились в хаотическом состоянии. В 1939 г. в отчете музея положению с фондами был подведен такой итог: «Драгоценнейшие ткани лежат напластованиями в несколько десятков штук, отдельные уникальные ткани и др. вещи требуют немедленной реставрации. К великому сожалению, рука исследователя, даже из среды научных работников, не прикасалась к вещам, находившимся в фондах. <...> В разные годы, как весенние ручейки, текли из Загорского музея ценнейшие вещи в разные учреждения и организации. Таким образом, было дано много вещей во временное использование для выставок и др. целей в Оружейную палату, в Третьяковскую галерею, в Эрмитаж, во Всесоюзную академию архитектуры, в Ленинскую библиотеку, в государственные сейфы при Наркомфине и другие организации. Всякие просьбы и требования о возврате этих вещей остаются безрезультатными»⁵⁹.

Сотрудникам музея по требованию Управления по делам искусств пришлось вплотную заняться вопросами хранения и инвентаризации.

С 1939 г. в музее оживилась научная работа. Прежде всего, пришлось разыскивать материалы для архитектурной реставрации Лавры. Изменившееся отношение к архитектурным памятникам сказалось и в том, что в 1939 г. на них впервые был сделан этикетаж. Развернулась также работа по исторической тематике. (В основном научной работой занималась А.М. Попова-Курбатова). Возникла мысль об издании путеводителя по музею. Но из-за того, что

экспозиции приходилось то и дело менять, решили подготовить к печати путеводители по отделам и брошюры по архитектурным памятникам⁶⁰.

При некоторых положительных изменениях в жизни музея в предвоенные годы очень сказывалось отсутствие специалистов-искусствоведов. Отчетливо видно чрезмерное увлечение просветительской работой и инерция уклона в антирелигиозную пропаганду. Сотрудники музея читали большое количество лекций, в основном на такие темы как «Происхождение религии», «Происхождение христианства», «Жил ли Иисус Христос?», «Наука и религия», «Коммунизм и религия» и т. п. Управление по делам искусств указывало музею в 1940 г., что, научно-исследовательская работа поставлена слабо, запланированные работы в большинстве своем не соответствуют профилю музея, а лекционная работа сосредоточена исключительно на антирелигиозной и исторической тематике. Управление было также против существования в Музее отдела соцстроительства и задач антирелигиозной пропаганды и, несмотря на сопротивление некоторых сотрудников, все же закрыло этот отдел в мае 1941 г.⁶¹

При создании исторических экспозиций сотрудники Музея стремились охватить всю российскую историю, что было характерно в то время для краеведческих музеев страны. Особенно ярко это сказывалось в экспозиции отдела истории XIX–XX вв. Очень сильным был и социологический аспект экспозиций, а художественная сторона мало принималась во внимание. Об этом говорит, в частности, большое количество заказных картин и копий картин. Так, на 1940–1941 гг. было намечено «обогащение» экспозиций картинами «Куликовская битва», «Пожарский с войсками в Троице-Сергиевой лавре», «Утро стрелецкой казни», «Приезд Екатерины II», «Продажа крепостной», «Роды в поле», «Суд над беглыми крестьянами», «Эксплуатация лаврских рабочих», «Речь депутата Суркова в 3-й Государственной Думе», «Обряд казни

петрашевцев», «Молебен при закладке нового завода», «Волнения рабочих в церкви во время реакционной проповеди священника», «Обряд казни петрашевцев», «Молебен при закладке нового завода», «Волнения рабочих в церкви во время реакционной проповеди священника» и т.п.⁶²

Широко использовались в экспозициях карты и панорамы. С помощью карт представляли такие темы, как «Движение Разина», «Хозяйство монастыря», «Первая крестьянская война», «Восстание крестьян под руководством Пугачева» и др. На 1940 г планировалось изготовление панорам «Монастырская тюрьма», «Взятие польской линии батарей на Красной горе», «Призыв Мининым народных масс на защиту Москвы», «Царь Алексей Михайлович в Троицком монастыре»⁶³. Еще в 1937 г. обилие макетов вызвало критику проверявшей комиссии, указавшей на то, что макеты превратились из подсобного экспозиционного материала в основные экспонаты, и что репродукции, копии и макеты не вызывают интереса и внимания посетителей, а художественные произведения много теряют среди репродукций и копий. Но изменить подход к созданию экспозиций удалось лишь много позднее. Мнение о том, что экспозиции не должны быть приспособлены к учебнику, а сотрудники музея не должны играть роль педагогов, обсуждался на совещаниях в 1940 г., но директор музея и ряд сотрудников считали, что в экспозициях нужно охватить буквально все. Так, при обсуждении экспозиции отдела истории XIX–XX вв. предлагали показать, как Церковь боролась с Герценом, показать Распутина, «Гаврилиаду» Пушкина, портрет Вольтера, письмо Белинского и т. д. Т.е. не только и не столько материал, связанный с данной местностью, сколько историю в масштабах страны, причем с сильным политико-социологическим уклоном. А вот Управление по делам искусств при СНК РСФСР настаивало на добавлении в экспозиции художественных экспонатов: шитья, тканей, изделий из металла, кости и камня⁶⁴.

К началу 1941 г. в музее-заповеднике были открыты отделы истории монастыря XIV–XVII вв., военно-исторический, истории монастыря XVIII в. и быта высшего духовенства, истории монастыря XIX– начала XX вв., а также соборы Успенский и Троицкий. Планировалось в 1941 г. открыть отделы архитектурный, древнерусского искусства, декоративного искусства и приступить к разработке плана генеральной реэкспозиции⁶⁵.

В штатном расписании в то время было четыре историка с высшим образованием и один искусствовед. За 1940 г. музей и выставки посетили 80 тысяч человек. Информация о музее и привлечение посетителей в предвоенные годы были налажены неплохо⁶⁶.

Таким образом, за период 1928–1941 гг. музей пережил ряд перемен. Первоначально он был создан в основном из историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой лавры и имел главной целью дать посетителям наглядную картину развития различных областей русского искусства. В 1928–1929 гг. первостепенной целью стала антирелигиозная пропаганда. В 1930–1936 гг., после объединения с Краеведческим музеем, основным считалось активное участие в деле социалистической реконструкции хозяйства района, хотя задачи антирелигиозной пропаганды оставались. Музей стал в значительной степени похожим на рядовой краеведческий музей. При этом вышестоящие организации да и сами сотрудники музея рассматривали его преимущественно как орудие пропаганды политики партии и источник пополнения валютных ресурсов страны. До конца 1930-х гг. научная работа почти не велась. Немалая часть коллекций музея в этот период была утрачена. Архитектурные памятники Лавры пришли в обветшалое, а то и в аварийное состояние и требовали срочной реставрации.

Изменения в государственной политике и перевод музея в ведение Управления по делам искусств при СНК РСФСР позволили начать преодоление

негативных тенденций в жизни музея. Можно сказать, что начался постепенный возврат музея к тому профилю, который он имел в 1920-е гг. Большое внимание начали уделять реставрации архитектурных и живописных памятников. Эти процессы были прерваны войной. Но тенденция художественного уклона в экспозициях, на которой настаивало Управление по делам искусств в предвоенные годы, стала набирать силу уже в 1944–1945 гг.

¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф.2 (сектор документов В.И. Ленина). Оп. 1. Д. 136638.

² ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 30 об.

³ *Клитина Е.Н.* К истории создания коллекции Загорского музея // Доклады на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина: Загорский историко-художественный музей-заповедник. Загорск, 1970. С. 14–20; *Трубачева М.С.* Из истории охраны памятников в первые годы советской власти // Музей 5. М., 1994. С. 152–164.

⁴ Архив СПМЗ. 2/69. Л. 9.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 132–139 об.

⁶ Там же. Л. 4 об.

⁷ Там же. Л. 118.

⁸ *Половинкин С.М., Флоренский П.В.* Второй арест // П.А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 31–41.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 86–86 об., 156–158.

¹⁰ Просим освободить из тюремного заключения: Письма в защиту арестованных / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 171–172.

¹¹ Архив СПМЗ. 1/46. Л. 1.

¹² Там же. 1/49. Л. 1–1 об.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 6–9 об.

¹⁴ Архив СПМЗ. 1/45. Л. 5–5 об., 9, 11, 33.

¹⁵ Там же. Инв. 1/47. Л. 1 об. –2 об.

¹⁶ Там же. 1/45. Л. 12 об., 1/47. Л. 3 об. –4.

¹⁷ Там же. 1/45. Л. 3 об., 12; 1/49. Л. 1, 5, 6–10 об; 1/50. Л. 15–23; ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 835. Л. 126.

¹⁸ Архивный отдел Сергиево-Посадской районной администрации. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 64–65.

¹⁹ Архив СПМЗ. 1/49. Л. 7; 1/48. Л. 1–1 об.

²⁰ *Пришвин М.М.* 1930 год // Октябрь. 1989. № 7. С. 154.

²¹ Архив СПМЗ. 1/60. Л. 2–2 об.; 1/62. Л. 11 об.; 1/64. Л. 2 об.

²² Там же. 1534. Доклад тов. Тонкина о работе Загорского музея на заседании секции докапиталистических формаций Института истории Комкадемии 28 февраля 1932 г. Л. 15–16, 18.

²³ Там же. 1/66. Л. 1–6.

²⁴ Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть. М., 1991. Ч. 1. С. 146.

²⁵ Архив СПМЗ. 1/76. Л. 9–11; 1/78. Л. 11–12. В 1940–1941 гг. возникал вопрос о восстановлении краеведческого музея. В июле 1942 г. сотрудники музея-заповедника обнаружили, что внутри помещения, где хранились экспонаты бывшего Краеведческого музея, проникли посторонние и причинили значительные повреждения экспонатам. В 1943 г. чучела животных, частично поврежденные, передали Загорскому дому пионеров, а изделия художественных промыслов поступили в Отдел народных художественных ремесел Загорского музея-заповедника.

²⁶ Смирнов Михаил Иванович (1868–1949), историк-краевед, организатор и первый директор Историко-художественного музея в Переславле-Залесском (1918–1929). Был арестован и находился в ссылке в Сибири (1930–1933).

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 191. Неразобранная часть эпистолярного архива В.И. Смирнова. Керженцев (наст. фам. Лебедев) Платон Михайлович (1881–1940), советский историк и государственный деятель, председатель Управления по делам искусств при СНК СССР (1936–1938). В «Правде» 15.11.1936 была опубликована его статья «Фальсификация народного прошлого», в которой он резко критиковал текст шуточной оперы Демьяна Бедного: «...героика русского народа, этот богатырский эпос <...> превращается у Демьяна Бедного в материал для поголовного охаивания богатырей <...>. Так показывать героев народного эпоса – значит искажать народную поэзию, клеветать на русский народ, на его историческое прошлое». В этой же статье говорится о том, что автор либретто искажил историю, неверно изобразив крещение Руси, которое «было одним из главнейших условий, способствовавших сближению славян с Византией, а затем и со странами Запада, то есть, со странами с более высокой культурой».

²⁸ Волков В. Руководители музея проглядели врагов народа // Вперед. 08.07.1937. Тезисы доклады М.И. Смирнова сохранились (архив СПМЗ. Инв. НА– 1/70. Л. 9–15 об.).

²⁹ Кнапская Т. Клевета на прошлое русского народа // Рабочая Москва. 28.08.1937. № 197.

³⁰ Архив СПМЗ. 1/67а. Л.1 об.; 1/68. Л.1.

³¹ Там же. 1/68. Л.8.

³² Там же. 1/70. Л.58–59.

³³ Там же. 1/67а. Л.1 об.; 1/68. Л.1.

³³ Там же. 98–101, 116–138.

³⁴ Там же. Л. 124 об., 125, 118, 141.

³⁵ Там же. 1/68. Л.17; 1/73. Л.3.

³⁶ Там же. Л.8.

³⁷ Там же. 1/60. Л.1; 1/65. Л. 1–2; 1/64. Л.5; 1/62. Л.1–2.

³⁸ Там же. 1/63. Л.3; 1/65. Л.1; 1/64. Л.5; 1/62. Л.1–2.

³⁹ Там же. 1/46. Л.22, 23; 1/55. Л. 11; 1/58. Л. 1, 10, 29; Л.1/45. Л.4,5.

⁴⁰ Там же. 1/60. Л.3; 1/73. Л.8; 1/69. Л.15; 1/64. Л.1.

⁴¹ Там же. 1534. Доклад... Л.39.

⁴² Там же. 1/65. Л.2.

⁴³ Там же. 71. Л. 2–4; 1/68. Л. 8 об.

⁴⁴ Там же. 1/69. Л.1–25.

⁴⁵ Трофимов Игнатий Викентьевич (1906–2002), архитектор, реставратор. Возглавлял Строительный участок реставрационно-восстановительных работ в Троице-Сергиевой лавре (1939–1941 и 1944–1951). Автор книги «Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры», М., 1961.

⁴⁶ Архив СПМЗ. 1/78. Л.2–3.

⁴⁷ Там же. 1/73. Л.1; 1/82. Л.8–12.

⁴⁸ Там же. 1/79. Л.5; 1/73. Л.6–7; 1/77. Л.1/25; 1/83. Л.2–3, 5–7, 16.

⁴⁹ Там же. Инв. НА–1/37. Л.2. Инв. 2/6. Л.1–8 об.; 2/8. Л.55.

⁵⁰ Там же. 2/16. Л.7–8; 2/68. Л.72–86 об.

⁵¹ Там же. 2/12. Л.10–11; 2/17. Л.1–9, 18–21, 26, 28; 1/57. Л.6, 10; 1/58. Л.21–23; 1/45. Л.19.

⁵² Там же. 2/12. Л.3.

⁵³ Там же. 1/53. Л.2–4, 6–9; 2/12. Л.9.

⁵⁴ Там же. 2/12. Л.2, 11–13, 18–31, 35–72, 85, 88, 89.

⁵⁵ Там же. 1/32. Л.1; 1/45. Л.1 об., 5, 32–32 об.; 1/50. Л.1–1 об.

⁵⁶ Там же. 1/36. Л.23–26; 1/52. Л.7–7 об.; 1/57. Л.13–31.

⁵⁷ Там же. 1/45. Л.26.

⁵⁸ Антонова В.И. Древнерусская живопись в Государственной Третьяковской галерее // Каталог древнерусской живописи. М., 1963. Т.1. С.34.

⁵⁹ Архив СПМЗ. 1/73. Л.5.

⁶⁰ Там же. Л.11–12; 1/79. Л.1–2; 1/84. Л.1.

⁶¹ Там же. 1/83а. Л.4–5; 1/80. Л.7; 1/74. Л.34.

⁶² Там же. 1/81. Л.1–7.

⁶³ Там же. 1/76. Л. 4–4 об.; 1/81. Л.1–7.

⁶⁴ Там же. Л.1; 1/74. Л.8–9.

⁶⁵ Там же. 1/83а. Л.5.

⁶⁶ Там же. 1/79. Л.4.

Доклад опубликован: Труды ГИМ. Забелинские научные чтения –2004. М., 2005. Вып.149. С. 414–429.